

Живой труп.
Рисунок Чик Дамадяна
из румынской газеты «Ромыния либера»

С. ОБРАЗЦОВ

Белое пятно и его представитель

Существует на земном шаре серьезное и важное учреждение, называемое Организацией Объединенных Наций. Я очень уважаю эту организацию, так как она может сделать многое для того, чтобы недоразумения между странами разрешались справедливо и мирным путем.

Но я не дипломат и не лицо, облеченное государственными полномочиями, и поэтому мне не возбраняется питать личные симпатии или антипатии по отношению к различным представителям различных правительств внутри этой организации.

Некоторые мне нравятся больше, другие меньше. Есть даже такие, которые совсем не нравятся. Но один из представителей вызывает во мне полное недоумение, поскольку невозможно понять, кого он представляет.

Если вы окажетесь в городе Сиани, близ которого была когда-то древнейшая столица Китая Чанань, то вас непременно повезут за город к горячим источникам.

А когда вы туда приедете, то кто-нибудь обязательно скажет вам, что в этой целебной воде больше тысячи лет назад купалась та самая женщина, которую играет Мэй Лань-фан в классической опере «Опылавшая Ян Гуй-фей».

Чем же знаменита Ян Гуй-фей? Неужели

только тем, что в жизни она купалась в горячей воде, а в опере пила горячее вино? Нет, легендарная фаворитка легендарного императора прославилась не этим. Она знаменита своей трагической смертью.

В народных легендах и пересказах смерть эта описывается по-разному, но суть вариантов сводится к следующему: Молодая красавица Ян Гуй-фей и совсем молодой император очень любили друг друга. Под влиянием своей возлюбленной император приблизил всех ее родственников, и они захватили различные доходные должности. По этим ли причинам или по причинам более глубоким, но произошли волнения в войсках, потребовавших смерти Ян Гуй-фей. Требование было удовлетворено. По одним версиям, император дал приказ старику еврею, бывшему воспитателю красавицы, задушить Ян Гуй-фей, по другим — она по собственной воле вышла перед войсками и сама задушила себя шарфом, а император, чтобы не видеть смерти любимой, закрыл глаза рукавом. Не знаю, какая из этих версий более достоверна, но вспомнил я о Ян Гуй-фей потому, что с этими же сианьскими источниками связана история еще одного человека, совсем нелегального изменника народа, играющего последний трагикомический акт своей собственной пьесы. Имя этого человека Чан Кай-ши.

Недалеко от горячих источников есть небольшая, покрытая лесом гора. В тысяча девятьсот тридцать шестом году на эту гору убежал Чан Кай-ши от народного гнева и спрятался в небольшой канаве. Очевидец рассказывает, что по своей позе он был похож на того глупого фазана, который, спрячась от охотников, прижимает голову к земле, забывая, что у него торчит хвост. Хвоста, конечно, в данном случае не было, но глупость позы от этого, пожалуй, только увеличилась, особенно, если принять во внимание, что главнокомандующий был в одном белье. Когда его выта-

щили из канавы, он стал дрожать и клясться, что выполнит требование народа и свой долг перед страной: поведет войска против японских захватчиков. А когда его освободили, он тут же нарушил клятву.

Легендарная Ян Гуй-фей была ослеплена любовью. Чан Кай-ши ослеплен золотом и властью. Такая слепота неизлечима, особенно, если она наследственна.

Каждая капиталистическая страна непременно гордится определенным количеством семейств — владельцев национального капитала, на службе у которых часто ходят президенты, шахи, короли, цари или императоры. В одной стране таких семейств шестьдесят, в другой — двадцать.

В старом полуфеодальном-полуклональном Китае император зависел больше всего от иностранных «семейств» — Крупнов, Морганов, Мицуй, Мицубиси, Рядушинских и многих других. Но и свои «семейства» тоже были. Четыре китайских семейства владели капиталами в двадцать миллиардов американских долларов.

Вот в одном из этих семейств, в семье Чан, торговцев солью, и родился Кай-ши. По внешнему виду мальчик был похож на китайца, но настоящим китайцем Чан Кай-ши не был никогда. Деньги и власть оказались для него важнее, чем народ и родина. И если родители Чан Кай-ши торговали солью, то он торговал людьми.

Начало этой торговли по сравнению с дальнейшей деятельностью Чан Кай-ши было сравнительно безобидным. Он стал одним из шанхайских гангстеров. Повидимому, этот промысел показался ему недостаточно прибыльным, и он решил заняться крупными биржевыми спекуляциями. Деньги пришли в большом количестве, но ему была нужна еще и власть, а главное — слава. Подкупом, убийствами, шантажом, демагогией, ложью было добыто и то и другое. Чан Кай-ши возглавил гоминдан, стал главнокомандующим армией, а затем диктатором страны.

Да, лицом он поирежнему был похож на китайца, но китайцем он не был потому, что китаец не может продавать Китай, а Чан Кай-ши только этим и занимался.

В мае двадцать восьмого года японцы оккупировали Цзинань. Китайский гарнизон получил приказ: «Ни при каких обстоятельствах не открывать огня по японцам. Ради спасения одного японца допустимо уничтожение даже и десятка китайцев. В случае возникновения инцидентов,

если японцы будут требовать сдачи оружия, таковое сдавать».

Под таким приказом непостижима подпись китаецца, но подписан он был Чан Кай-ши.

Легко дать циничный и наглый приказ: «Болтающих о сопротивлении Японии — казнить, и без всякого сожаления», но как привести в исполнение этот приказ, если это вовсе не «болтающие», а сражающиеся, и если имя им — народ? Мало смысла кричать: «Я именно такой, рубящий без пощады главнокомандующий, и буду искать себе таких же рубящих без пощады генералов и офицеров», а потом, в одном белье, в холодное декабрьское утро прятаться в канаву, дрожать, клясться, нарушать клятву и вновь кричать: «Если я не уничтожу коммунистическую партию, то не смогу умереть спокойно».

В китайском традиционном театре есть роли, которые объединены общим названием: «большие раскрашенные лица». На актерских, играющих эти роли, — драгоценные по своей вышивке костюмы, невероятные по устройству шляпы. Если это «большое раскрашенное лицо» — генерал, то в шляпу вставлены огромные фазаньи перья, в руках меч, за спиной прикреплены четыре флага. Если к тому же этот генерал обладает силами сверхчеловеческими, то лицо его сплошь золотое. Вероятно, именно таким представлял себя Чан Кай-ши в наиболее эффектные периоды своей жизни.

Но существует в китайском театре и другая группа ролей. Глупцы, предатели, взяточники. На их лицах — большое белое пятно. Оно вызывает у зрителей смех и презрение. Чан Кай-ши слеп, только поэтому он не сразу заметил, что на его физиономии уже давно сидит белое пятно, и догадался об этом только тогда, когда под ударами Народно-освободительной армии стал терять город за городом. Смех, вызванный белым пятном на его физиономии, стал настолько громким, а народное презрение настолько явным, что напуганный Чан Кай-ши начал стремительно замазывать это пятно американским золотом, перейдя с розничной торговли Китаем на оптовую.

Он торговал родиной с бесстыдством и быстротой аукционера. За один осенний месяц сорок седьмого года Чан Кай-ши продал американскому представителю Велдмейеру право на устройство военных баз на Тайване, в Тайбэе, Цзилуне, Циндао,

Урумчи, Ланьчжоу, Тяньшуйе, Чэнду и в той самой Сиани, где он купался в целебной воде и прятался в канаве.

А к концу сорок седьмого года было продано право на размещение в Китае американских войск и полный контроль над китайским военно-морским флотом.

Только аукцион-то производился в отсутствие фактического хозяина. Чан Кай-ши уже не владел ничем из того, что он продавал.

Бутафорский диктатор давно потерял фазаньи перья на своей шляпе, давно сломался его деревянный меч, а театральные котурны хоть и очень эффектны для того, чтобы важно расхаживать по сцене, но бегать в них неудобно. Пришлось сбросить котурны.

Четыре года тому назад кончилась власть Чан Кай-ши, а с ним вместе и власть иностранных колонизаторов, и власть отечественных «четырех семейств», и власть разложившихся феодалов.

Четыре года из окна мрачного особняка в стиле королевы Виктории, на острове Тайвань смотрит Чан Кай-ши в сторону Великого Свободного Китая.

Смотрит, хотя глаза его абсолютно слепы. Жажда денег и славы ослепляют человека навсегда. Если бы было иначе, если бы он хоть на секунду прозрел, он задушил бы себя сам.

Белое пятно, как проказа, покрывает его лицо. Но он все-таки пробует нацепить фазаньи перья, влезает на котурны и размахивает деревянным мечом, призывая к борьбе «за освобождение утерянной материка».

Я был на этом «утерянном материке», утерянном империалистами. Великая молодая страна! Я счастлив, что видел ее. Видел глаза сильных, счастливых, непобедимых людей. Видел, как строятся железные дороги, заводы, фабрики. Видел, как работают свободные крестьяне на собственных, а не помещичьих полях, как рыбаки ловят рыбу на собственных, а не хозяйских лодках. Видел счастливых детей, которые

учатся в школах. Видел, как в школах для взрослых учатся их родители — десятки миллионов крестьян и рабочих. Видел счастье народа всюду, где только был: и в столице Китая — Пекине, и в Харбине, и в Мукдене, которые когда-то Чан Кай-ши продал японцам, и в Шанхае, в котором когда-то Чан Кай-ши играл на бирже и в котором потом убил столько героев-патриотов, и в Нанкине, бывшей его резиденции, и в Чэнду, и в Ланьчжоу, которые он продавал американцам, и в Сиани, где мне показали канаву, в которой прятался главнокомандующий, — бывшее раскрашенное лицо, юбилар наизнанку, с белым пятном на физиономии.

Принято считать, что современные люди живут в сугубо реалистическом мире, в котором нет ни чудес, ни фантастических происшествий, ни бесплотных духов.

Это неверно. Разве не фантастика, что человек, всем ходом исторических событий давно сброшенный в канаву, человек, у которого вместо лица большое белое пятно, вызывающее презрение пятисотмиллионного китайского народа, называет себя китайским президентом, да еще имеет своего представителя? И где же? В Организации Объединенных Наций.

Пожалуй, более фантастического и одновременно более комического факта не было во всей истории мировых отношений.

Изобретенный американцами «автомат-голосователь» вновь и вновь сажает Цзян Тин-фу на делегатскую скамью. Американские дипломаты и те, кто старается как можно нагляднее заверить совершенное к ним почтение и преданность, здороваются с бесплотным духом за руку, угощают эту абстракцию сигаретами «Камел» и сохраняют при этом абсолютно серьезные лица.

Ну что ж! С чисто актерской точки зрения они поступают правильно. Чтобы очень рассмешить зрителя, актер обязан, совершая нелепые поступки, делать серьезное выражение лица.

Чем менее форма соответствует содержанию, тем смешнее.